

3 октября 2019 года в Саратовском государственном аграрном университете им. Н.И. Вавилова состоится III Угловские чтения, посвящённые 115 годовщине со дня рождения Фёдора Григорьевича Углова (5 октября 1904 – 22 июня 2008), выдающегося хирурга, основателя современного этапа движения за трезвость в России

УГЛОВ В САРАТОВЕ

Фёдор Григорьевич Углов родился 22 сентября 1904 года в деревне Чугуево Киренского уезда Иркутской губернии. Ближайший к уезду университет – в Иркутске, на медицинский факультет Восточно-Сибирского университета и поступил в 1922 году будущий академик.

Перелистаем его книгу «Сердце хирурга», в которой он сам рассказал, почему выбрал профессию хирурга и как оказался в Саратове.

«Мы ЖИЛИ в сибирском городке Киренске. На триста – пятьсот вёрст вокруг не было другого места, где бы ещё имела больница. И редкую неделю в нашем гостеприимном доме не останавливались на ночлег приехавшие издали знакомые. «К доктору, – говорили они, – дал бы он облегченье!..»

Уважительно произносилось имя киренского хирурга Светлова. Руки у него, как я сейчас понимаю, были искусные, душа чистая, сострадательная к чужой беде. Он был из тех благородных русских натур, которые на заре нового двадцатого века связали свою жизнь со служением простому народу, стремились в глухих, медвежьих углах нести людям знания, культуру, собственным примером учили добру и бескорыстию.

Какими счастливыми, буквально заново воскресшими уезжали в свои деревни после светловских операций наши гости!»

«А на четвёртом курсе произошло памятное до сих пор, приятное событие – поездка группы отличников учёбы в Ленинград. (...) В поезде нам было не скучно: песни, шутки, забавные рассказы, споры, разраставшаяся день ото дня «Дорожная поэма» моего сокурсника и тёзки Феди Талызина, в которой смешно изображался каждый из нас. Слушали Федю, хватаясь за животы, подсаживали ему удачные рифмы... В своей молодости, в светлых надеждах на будущее были мы пьяны без вина. Когда сейчас вижу, как порой студенты, хорошие, умные ребята, собравшись вместе, почему-то заводят разговор о покупке спиртного, словно бы без этого немыслим отдых, мне становится грустно. Тяга к бутылке, желание непременно иметь её в походном рюкзаке прежде всего замечается у молодых людей, предрасположенных к преждевременному старению, а также с неустойчивой нервной системой, приученной к постоянному возбуждению. А это уже не врождённое, наследственное, это от безволия – да простится мне такое слово – от распущенности.

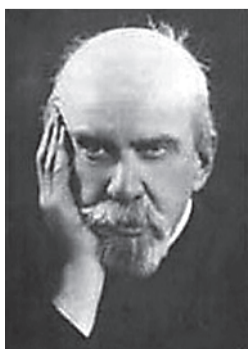
И вот мы в Иркутске. Днями позже я, как ответственный за поездку, делал о ней отчёт на заседании университетского профкома. Во время выступления вдруг почувствовал, что смеются лица, предметы, стены, сам я будто бы проваливаюсь куда-то... Еле еле доплёлся домой, рухнул в постель и... очнулся только через двадцать четыре дня. Сыпной тиф! После болезни ходил, как призрак: слабый, истощённый, ветер с ног валил...»

Выходила его однокурсница Вера Михайловна Трифонова, о своей будущей жене Фёдор Григорьевич в книге «Сердце хирурга» вспоминал:

С Верой Михайловной, а тогда, конечно, Верочкой, мы учились на одном курсе, в одной группе, и я в первый же свой университетский год потянулся к этой развитой, начитанной, умной девушке. Была она из интеллигентной семьи: отец – нотариус, мать – учительница, умела быть внимательной к людям, отзывчивой, прилежно относилась к любому делу, особенно к студенческим занятиям. С ней было интересно говорить о прочитанных книгах, о жизни – отличала её удивительная способность находить красивое, прекрасное в будничном и, казалось бы, примелькавшемся. К третьему курсу мы уже призывали друг к другу и вскоре поженились».

У Веры Михайловны Трифоновой, по матери – Крогиус, в Саратовском университете преподавал философию и заведовал кафедрой психологии в педагогическом институте её дядя Август Адольфович Крогиус, о нём и заговори-

ла Вера, когда стали думать о предстоящей учёбе на пятом курсе:

«– Что будем делать? – спрашивала меня Вера. – Ты, как тень, слабый, а впереди суровая зима. Может, переведёмся в Саратовский университет: климат на Волге мягче и, опять же, мои родственники там... Как, Федя?»

Профессор Крогиус жил в просторной квартире в доме на углу улиц Рабочая и Никольская (ныне – Радищева), там и поселились Угловы.

«Саратов нам понравился: просторный зелёный город, манящая к себе красавица Волга и очень современные университетские клиники, которые в Иркутске мы не могли даже представить себе.

Саратовский университет в то время считался одним из крупнейших. Авторитет его медицинского факультета поддерживался известными на всю страну именами, среди которых были Спасокукоцкий, Миротворцев, Разумовский, Какущкин, Николаев. Правда, Спасокукоцкого мы с Верой уже не застали, а Разумовский по преклонности лет отошёл от активной хирургической деятельности, но в клинику ходил аккуратно как

консультант. И прекрасными были лекции по хирургии профессора Миротворцева! Любили мы практические занятия в его клинике, всегда хорошо организованные, поучительные, неожиданные по своей новизне и смелости, – велись они блестящими хирургами: Самсоновым, Захаровым, Шиловцевым, Угловым. (...)

Запомнились занятия под руководством Николая Васильевича Захарова. Отличный педагог, он порадовал нас своей глубокой эрудицией, обширностью разносторонних познаний, а проводимые им операции, с точки зрения врачебного искусства, были образцовыми. Много хороших отцовских качеств переняла его дочь, тоже ставшая впоследствии вид-

ным хирургом, получившая профессорское звание, Галина Николаевна Захарова. (...)

Учился я отлично, преподаватели ставили меня в пример другим, прочили мне твёрдое место в клинике, о котором мечтали многие выпускники, однако я всей душой стремился к работе где-нибудь на окраине, помня о том, что старший брат и сестра поступили таким же образом. Поеду туда, думал я, откуда до городских клиник далеко, где больные страдают без квалифицированной медицинской помощи, там я нужнее. Вера соглашалась со мной: только так! И в своём молодом порыве ехать в какое-нибудь Богом забытое место и в глуши быть полезным страждущим сам для себя находит поддержку, раздумывая над судьбой отца (он умер в год перевеза Угловых в Саратов 58-ми лет от роду – прим. ред. газеты «Вопреки»).

Сдав государственные экзамены, получив звание врача-лечебника, я с невольным трепетом взял в руки квадратик шероховатой бумаги с указанием места моей будущей работы. Там значилось: «К 1 июля 1929 года прибыть в село Кисловку Николаевского района Камышинского округа Нижневолжского края в качестве заведующего врачебным участком».

Село Кисловка оказалось крупным, жителей в нём было больше пяти тысяч, в основном выходцы с Украины».

Фёдор Григорьевич навсегда сохранил добрую память о городе, в котором он сделал свои первые операции, почерпнул опыт у маститых хирургов. А мы, его земляки, гордимся, что один из самых знаменитых хирургов XX столетия, – выпускник Саратовского медицинского института.

На снимках: студент Фёдор Углов; Вера Михайловна Углова; Август Адольфович Крогиус; флигель во дворе дома № 2 по улице Рабочей, в котором жил Фёдор Углов в 1928–1929 годах; Саратовский университет, снимок 1924 года; Сергей Романович Миротворцев; Василий Иванович Разумовский.

Международная академия трезвости подвела итоги конкурса творческих работ среди молодёжи на тему «Выдающиеся борцы за трезвость». Среди призёров конкурса – статья нашей землячки Алисы Ушаковой, студентки Поволжского института управления. Это имя не новое для страниц газеты «Вопреки»: Алиса скаут из Пугачёва, и не раз в репортажах из палаточного лагеря «Иргиз» мы упоминали о ней. О своём земляке, враче Василии Ивановиче Алмазове, активном деятеле Саратовского попечительства о народной трезвости начала XX века, и рассказала Алиса Ушакова в статье, представленной на конкурс. Публикуем это сочинение, отмеченное жюри в числе самых интересных работ.

МОИ ЗЕМЛЯКИ – БОРЦЫ ЗА ТРЕЗВОСТЬ

Уже традиционным стал слёт скаутов Саратовской области, который проходит каждый август в селе Каменка Пугачёвского района Саратовской области. Для всех он известен как палаточный лагерь «Иргиз». В этом году он пройдёт в пятый раз! Лагерь собирает около ста мальчишек и девчонок, которые живут в палатках, готовят на костре. И всех их объединяет одно – это скаутское движение, которое зародилось ещё в самом начале двадцатого века. Игры, квесты, мастер-классы – всё это ждёт каждого, кто посещает скаутский лагерь. Одним из главных направлений, которое активно пропагандируется в Ассоциации скаутов Саратовской области, является поддержание здорового и трезвого образа жизни.

О трезвости говорили и продолжают говорить очень много. И это правильно. Поскольку алкоголизм является одной из самых злободневных проблем общества. К счастью, есть те люди, который не только показывают на своём примере, что трезвый образ возможен, но и доказывают, что он должен быть нормой для каждого. И среди таких людей уроженец села Каменка, возле которого и проходит палаточный лагерь «Иргиз».

Василий Иванович Алмазов родился 1 марта 1857 года в селе Каменка Николаевского уезда Самарской губернии. В 1881 году окончил медицинский факультет Казанского уни-

верситета, навсегда связав свою судьбу с медициной. С 1905 года сочетал врачебную деятельность с общественной в качестве гласного Саратовской городской думы. Избирался членом Саратовской городской управы; заведовал санитарной частью управы, заступал место городского головы. Продолжал сочетать службу с общественной деятельностью: кроме участия в попечительстве о народной трезвости, Алмазов – президент Саратовского сани-

тарного общества, председатель комитета Саратовского санитарного общества для борьбы с туберкулезом, заведующий летним санаторием этого общества. В Госдуму саратовского врача избрали 22 октября 1912 года от общего собрания выборщиков Саратовского губернского избирательного собрания. Это по-настоящему удивительный человек! Его стремление к общению людей к трезвому образу жизни поражает каждого!

В Саратовской области есть ещё одно имя, которое известно благодаря его деятельности, схожей с деятельностью Алмазова. Это Михаил Фёдорович Волков. Именно он в сентябре 1913 года стал городским главой, на месте которого должен был быть Василий Иванович, чью кандидатуру не утвердил Петербург.

Михаил Фёдорович был уроженцем Шихан Вольского уезда Саратовской губернии. Выходец из крестьянской семьи окончил Медико-хирургическую академию. Благодаря его активной деятельности были построены в Саратовской женская фельдшерская школа и глазная клиника, которая по сей день возвращает людям зрение. Именно к нему врачи со всех уездов приезжали, чтобы перенять его уникальный опыт врачевания. Не нужно было посещать другие страны, чтобы стать настоящим профессионалом, ведь Волков показывал высокий уровень.

«Моя работа в глазной больнице, где я был и директором её, и ординатором, доставляла мне истинное удовлетворение, – признавался в записках Миха-

ил Фёдорович. – Каждый день по утрам в течение двенадцати лет, когда я приезжал в больницу, то я испытывал такое же чувство удовольствия, какое я испытывал в первый день вступления моего в неё, я наслаждался видом, чистотой, порядком, прекрасным уходом за больными». Согласитесь, ведь не каждый способен к такой самоотдаче. Михаил Фёдорович, действительно, любил своё дело. Это было его настоящим призванием!

И Алмазов, и Волков боролись за народную трезвость. Они стремились привить её в каждом уголке нашей необъятной Родины! Для них это было не просто желанием, а настоящей целью, к которой они так упорно шли и делали всё возможное для её осуществления! Именно с таких людей мы и должны брать пример – целеустремлённых, твёрдых и решительных!

Нынешняя ситуация в мире, действительно, пугает. Алкогольную продукцию можно легко увидеть на полках магазина, а процент алкогольной зависимости только увеличивается. Неужели мы готовы потерять всё то, за что боролись наши соотечественники? Задумайтесь, в каком мире хотите жить вы? Помните, что «мыслящий не пьёт, а пьяный не мыслит!». Выбор за вами!

Алиса Иванова УШАКОВА, студентка 2-го курса Поволжского института управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС

ТЕОРИЯ ТРЕЗВОСТИ И «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОГО ПИТИЯ»

Вряд ли кого-то сможет удивить тот факт, что в нашем обществе «нормальными» принято считать людей, которые не отказываются «культурно» выпить в праздничной обстановке. «Умеренное» потребление алкогольного наркотика считается необходимым элементом социализации, в то время как трезвость (так же, как и беспорядное пьянство) нередко называют «отклонением от нормы».

Но ведь это абсурд! Никто ещё не рождался с бутылкой пива в руках или с вонючей сигаретой во рту. Невозможно не признать: именно трезвость является естественным, дарованным нам с рождения состоянием, которое обеспечивает возможность жить счастливой и полноценной жизнью!

Здоровому, трезвому человеку свойственно постоянно стремиться к новым достижениям в своём физическом, интеллектуальном и нравственном развитии. А приучить его к «культурному» самоотравлению, как показал поставленный над нашим народом эксперимент, – самый лёгкий способ отнять желание и возможность даже задуматься о каком-либо развитии.

Именно это и достигается повсеместно пропагандируемой в нашей стране «теорией культурного питья»: мы с пелёнок вынуждены наблюдать ритуалы группового одурманивания алкогольными «напитками», которые воспринимаются некоторыми людьми как неземная святость. Не выпить «как положено» во время совершения подобного ритуала считается проявлением глубочайшего неуважения. А все попытки серьёзно поговорить на эту тему пресекаются беспощадной алкогольной демагогией.

Не оказывая абсолютно никакого отвлекающего влияния на тех, кто уже пьёт «культурно» (и тем более – на алкоголиков), «теория культурного питья» направлена на приобщение к спиртному подрастающего поколения, которое ещё хранит естественную трезвость.

Таким образом, конвейер смерти, запущенный этой «теорией», никогда не останавливается. «Борьба с пьянством и алкоголизмом» предлагает оттащить от алкоголя упившихся им пьяниц и алкоголиков (они же жутко мешают «культурно» и «умеренно» пьющим!) – а на их место приходят новые поколения подростков и детей, обучающихся ритуалам потребления спиртного.

Создателями теории трезвости являются такие известные учёные, как отец русской школы физиологии И.М. Сеченов; профессор Киевского университета, психиатр и публицист И.А. Сикорский; создатель системы химических элементов Д.И. Менделеев; исследователь влияния на общество «сухого закона» 1914 года И.Н. Введенский; автор первого русскоязычного учебника трезвости А.Л. Мендельсон; великий русский педагог С.А. Рачинский; величайшие русские писатели Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой; отец советской физиологии И.П. Павлов, а также родоначальники современного трезвенного движения – физиолог Г.А. Шичко и всемирно известный хирург Ф.Г. Углов.

Кто является автором «теории культурного питья» – до сих пор неясно. Это какие-то безвестные виноделы и виноторговцы, а также привыкшие беззаботно отравлять себя и других, одурманенные «успешной» сделкой по продаже собственной совести графоманы и шоумены.

Теория трезвости прямо и открыто заявляет, что алкоголь – это нейротропный протоплазматический наркотический яд, воздействующий на все органы человеческого организма, разрушающий их на клеточном и молекулярном уровнях.

«Теория культурного питья» называет алкоголь «специфическим» пищевым продуктом, вскользь замечая, что этот «продукт» не рекомендуется давать детям, беременным женщинам, водителям за рулём и т. д.

Нормальным человеком, по мнению трезвенников, считается здоровый, сознательно избегающий отравлений психологически независимый человек, который не только сам не употребляет одурманивающих веществ, но и никого не угощает ими, осознавая лежащую на каждом из нас ответственность за свободу будущих поколений от легальных и нелегальных наркотиков.

«Нормальным», согласно теории «культурного питья», считается тот, кто пьёт «умеренно», приносит стабильный доход производителям одурманивающего зелья, неустанно подтачивает своё здоровье, а значит – рано или поздно понесёт свои деньги в больницы и в наркологические кабинеты. Алкоголики, конечно, считаются отклонением от нормы, но их (как и трезвенников) принято возвращать к «нормальному» уровню потребления наркотика.

Выбор, который даёт человеку теория трезвости: сознательная свобода от любого воздействия на организм психотропных веществ, или же (под давлением тех или иных обстоятельств) не менее сознательное отравление ими – вопреки здравому рассудку, нравственному долгу перед потомками и принципу самосохранения.

Выбор, который предлагает своим приверженцам «теория культурного питья», заключается лишь в том, какое из одурманивающих веществ избрать для самоотравления: пиво, вино, водку, коньяк или что-нибудь из заморской экзотики. Знать же о физиологических, а уж тем более – о социальных последствиях поглощения этих гремучих смесей, считает «теория культурного питья», человеку совершенно не обязательно...

Теория трезвости направлена на возвращение обществу абсолютной трезвости как надёжной основы его развития. Она призывает как взрослое, так и подрастающее поколение вести абсолютно трезвый образ жизни. Это значит, что во взрослую жизнь будут входить здоровые молодые семьи, которые будут воспитывать здоровых детей.

«Теория культурного питья» направлена на поддержание деструктивного культа «умеренного питья» среди населения. Она тормозит развитие общества, защищая баснословные доходы производителей алкоголя, призывая на вооружение весь накопившийся за многие годы балласт алкогольной демагогии и мифологии.

(Из книги Александра Почекета «Сберечь свободу»)

ВОСЬМИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ ИВАНА СЕЧЕНОВА

Ивана Михайловича Сеченова (1829 – 1905), чьё 190-летие отмечалось 13 августа 2019 года, называют основателем русской физиологической школы (такое определение дал великий Иван Петрович Павлов). «Отцом» этой школы оказался бы иной учёный, если бы двадцатилетний Иван Сеченов, сын мелкопоместного дворянина Симбирской губернии, проучившись пять лет в низших классах Главного военного инженерного училища в Санкт-Петербурге, выдержал бы экзамен в офицерский класс. Но провалившего испытание курсанта направили в войска. Прослужив два года подпоручиком в сапёрном батальоне в Киеве, он в 1850 году вышел в отставку и поступил вольнослушателем на медицинский факультет Московского университета. Жажда к знаниям привела дипломированного лекаря в Берлин: отказавшись от прав на имение, он получил от братьев и сестёр (у него было пятеро братьев и три сестры) компенсацию и на эти деньги в 1856–1860 годах изучал науки в лаборатории Феликса Гоппе-Зейлера.

О своём учителе Иван Михайлович вспоминал в «Автобиографических записках», изданных в 1907 году:

«Главным местом берлинского учения стала для меня только что основанная при институте Виروهва лаборатория медицинской

химии, с её молодым директором Гоппе-Зейлером, милым, добрым и снисходительным учителем, не делавшим никакой разницы между немецкими и русскими учениками. (...) Нам, русским, как действительно начинающим, специальных тем он не давал, но выслушивал охотно приходившие в голову планы и помогал советом и делом осуществлять их, если тема казалась разумной и удобной для исполнения. Так, он вполне одобрил задуманный мною план заняться острым отравлением алкоголя, естественно вызванный в моей голове ролью водки в русской жизни, и в его же лаборатории были проведены мною: исследование выдыхаемого воздуха на алкоголь, измерение количества выдыхаемого пьяным животным CO₂, влияние алкогольного отравления на температуру тела (в артериях, венах и прямой кишке) и опьянение выдыхаемыми парами алкоголя».

Эти исследования легли в основу его докторской диссертации «Материалы для будущей физиологии алкогольного опьянения», – **первого научного труда, экспериментально установленного механизма пагубного воздействия алкоголя на организм человека.** Докторскую диссертацию учёный блестяще защитил 5 марта 1860 года в Императорской Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии.

Положения, высказанные Иваном Михайловичем в диссертации, не устарели и поныне, его творческое наследие изучают все студенты-медики. Вот как рассказала о значении докторской диссертации Сеченова студентка 2 курса медицинского факультета Ульяновского университета Мария Шашлыгина: «Изучив газы крови и температуру во многих органах, Сеченов пришёл к выводу, что алкоголь подавляет химические процессы в тканях, вызывает учащение дыхания и сердечной деятельности, изменяет функции многих органов. Он опроверг существовавшее тогда мнение о том, что алкоголь якобы стимулирует кровоснабжение мозга. В опытах на самом себе Сеченов показал, что алкоголь не только меняет деятельность разных систем организма, но наряду с этим ещё и усиливает выделение воды. (...) Некоторые выводы диссертации, такие как: «При настоящем состоянии естественных наук единственной возможной принцип патологии есть молекулярный», – не только не потеряли своего значения, а, напротив, сегодня приобретают всё больший и больший вес в изучении функций живого организма» (studfiles.net).

Откуда у вчерашнего студента Сеченова, приехавшего на стажировку в Берлин, появился интерес к теме влияния алкоголя на человека? Из практики: студент-медик дружил с литераторами, посещал

заседания кружка поэта Аполлона Григорьева, зачастую чтение стихов оканчивались банальной пирушкой. Студент-второкурсник, не приветствовавший пьяный разгул товарищей, написал исследовательскую работу о физиологии алкогольного опьянения и роли водки в жизни русских людей.

В энциклопедических словарях описание вклада Сеченова в развитие медицины (и не только медицины) именно Сеченов в 1895 году научно обосновал, что продолжительность рабочего дня не должна превышать 8 часов) занимает целую страницу. Собирает (наука о трезвости) считает Иван Михайловича Сеченова пионером исследования влияния алкоголя на организм человека, уже в его исследовании, проведённых полтора столетия назад, учёный поставил преграду тем, кто пытается «научно» обосновать пользу спиртного, выскидывает безвредные дозы потребления алкоголя.

Эрик Эглитис, пенсионер из латвийского городка Валмиера, любит технику, и потому не мог не побывать в Парке Победы на Соколовой горе, когда в сентябре 2019 года приехал на родину жены, в Энгельс. «А у нас есть аллея трезвости!», – сообщили чете Эглитис родственники, показывавшие музей техники под открытым небом.

ФИЛОСОФИЯ ТРЕЗВОСТИ ЭРИКА ЭГЛИТИСА

Аллея трезвости произвела на гостя Саратова впечатление: такой формы агитации он не видел нигде: скамейки с надписью «Скамья трезвости», «Саратов молодой», деревья, посаженные молодыми семьями, символ молодости и красоты в виде стальной раскрытой ладони, защищающей хрупкую бабочку. Захотелось познакомиться с саратовскими соратниками, интернет и привёл его в Дом трезвости (кстати, он и нас удивил формой пропаганды своих трезвеннических взглядов: **на нагрудном кармане его белой рубашки плакатик – мужчина решительного отказывается от предложенной ему рюмки: «Нет!»**).

«До семнадцати лет я был «как все», – отвечает Эрик на вопрос о стаже его трезвости. – В раннем детстве мы с сестрой каникулы проводили на хуторе у деда и бабушки. Бывало, дед варил пиво. Нам нравилось сусло. Попробовали и пиво. Но пиво не понравилось. К семнадцати годам на домашних праздниках (такие проводились три-четыре раза в год) гости стали уговаривать меня выпить хоть немножко, родители уже не возражали. Раз, другой пробовал вино, но никакого воздействия не ощущал. Это хорошо легло на мои прежние рассуждения: выпить чуть-чуть ни к чему, а больше, когда уже невооружённым глазом видно, как меняется речь и поведение человека – **ясно понял, что вся эта затея**

глупа и недостойна человека!».

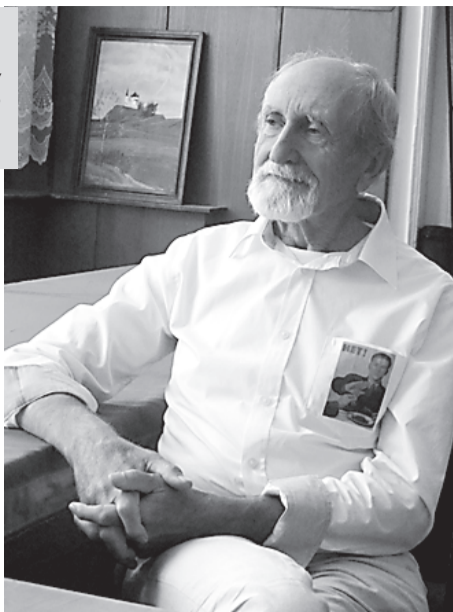
Так быстро разобраться в ситуации помогла врождённая склонность к размышлениям. Семнадцатилетний Эрик заметил противоречие: с одной стороны, алкоголю в обществе отводят почётное место, а с другой – от него столько бед и напастей! Родители одобрили трезвый выбор сына, хотя и обижались, когда он не поддерживал праздничное веселье, уходил из дома, чураясь пьющей компании.

И мама, Ванда, и отец, Янис, на хлеб свой насущный зарабатывали нелёгким трудом водителя. «Мама стала работать только тогда, когда мы с сестрой пошли в школу, – рассказывает Эрик. – Отец смолodu шоферил, в войне не участвовал, так как водил автобус в системе железной дороги, а в моё бытие слесарил в своём гараже и водил свою машину. Меня стал обучать вождению, как только ноги мои стали педали доставать. Профессию родителей наследовал, но потомственным водителем не стал: работал каменщиком, с 18 лет – шофёром, а когда окончил заочно среднюю школу, то поступил в пединститут, физмат, учился также заочно. Со второго курса стал работать учителем математики. Через четыре года поступил на работу в производственное объединение «Радио-

техника», с отличием окончил техническую школу и мне присвоили 6-й разряд регулировщика радиоаппаратуры, перевёлся в гарантийную мастерскую радиозавода».

Мама Эрика водила по «узким улочкам Риги»... троллейбус. Нет, не энгельсского завода, а чешский «Шкода», хотя и в столице Латвии были наши «ЗиУ». Не предполагал тогда Эрик, бывая в депо у мамы, что через десятилетия попадёт к волжским троллейбустроителям с предложением внедрить в производство керамические присадки, опробованные им на личном автомобиле. Энгельс станет ему не чужим, породнится с ним через жену.

«Браки заключаются на небесах», афоризм этот в судьбе Эрика явился и в переносном, и в прямом смысле: «Радиотехника» часто командировала его по всему Советскому Союзу, и в перелёте из Саратова в Пермь он в 1980 году и познакомился со своей суженой: Таисия Владимировна, инженер-механик энгельсского «Химволокна», также направлялась на Урал в командировку, в самолёте на высоте шести километров и познакомились, и вот уже без малого сорок лет вместе. Вырастили сына Эдгарса («с 26-ти лет доктор технических наук, работа-

ет в фирме, конструирующей самолёты», – не скрывает отцовской гордости Эрик) и дочь Еву («выпускница Елгавской сельскохозяйственной академии, коневодством занимается»). Невеста одобрила трезвость своего избранника, после свадьбы признавалась, что молила Бога, прося послать ей трезвого мужа (а тогда, в конце 1970-х, это был страшный дефицит). Умеет чета Эглитис угощать гостей и без спиртного, с выдумкой оформляют праздничное застолье в своём доме в городе Валмиера, куда переехали, когда Эрик окончательно вышел на пенсию (в Латвии пенсионный возраст для мужчин 63 года, но он проработал ещё одно пятилетие) и занялся... общественной работой. Какой? Даёт в школах уроки трезвости.

Правда, поначалу старшеклассники и не подозревают, о чём в конце занятий пойдёт речь. А их, уроков, четыре. В девяностые годы преподавал Эрик философию и религиоведение в медшколах и профтехучилищах, педагогический опыт как нельзя кстати пригодился волонтеру борьбы за трезвость. На первом занятии лектор знакомится с ребя-

тами, объявляет, что поговорят о практической философии, эти знания пригодятся им как в учёбе, так и в дальнейшей жизни. И лишь на третьем уроке, когда встал наговорятся «о жизни такой непросто», исподволь подводит Эрик юных слушателей к мысли: многие проблемы, возникающие на их пути, гораздо легче разрешать на трезвую голову. Это знали ещё древние, обильно цитирует он античных мудрецов, к примеру, знакомая юных слушателей с изречением Сократа: «Никто не сотворит зло добровольно. Сотворение зла есть следствие незнания». Но более всего обращает внимание на мир, видимый только трезвыми глазами!

Как воспринимают его лекции ученики? С пониманием. Труднее найти общий язык с педагогами (Эрик просит присутствовать на занятиях всех преподавателей, не задерживая на момент лекции на уроках), всё-таки инерция прошлого не отпускает.

А оно, прошлое, общее и для латышей, и для россиян. Мы долго беседовали с Эриком, обменивались информацией о трезвеннической работе в наших странах, придя к выводу, что политика продвижения алкоголя на прилавок в СССР принесла немало горестей, не отпускает проблема и сейчас: как и в Саратове, так и в Риге спиртное продолжает занимать самое привлекательное место в продуктовой корзине магазинов. Как относиться молодёжь к спиртному? На этот вопрос наш гость ответил цитатой из твиттера депутата сейма, многолетнего председателя общества врачей Латвии Петериса Апениса: «Молодёжь Латвии пьёт слишком много».

«Кстати, эта цитата великолепно служит в философских упражнениях», – вспоминает Эрик свои нынешние уроки в школах, на них он предупреждает своих юных соотечественников о пагубе питейного

образа жизни. Убеждает и словами, и всей своей жизнью, что абсолютно нетрудно жить трезво. «Полагаю, что освободиться от зависимости человек может только через знание и глубокое понимание сути этих пороков», – говорит Эрик.

Как это созвучно мысли нашего земляка хирурга Фёдора Григорьевича Углова, утверждавшего, что люди пьют потому, что не знают правды об алкоголе. В помощь Эрику и другим трезвенникам Латвии мы передали подборку книг и брошюр, фильмов проекта «Общее дело», в которых дана как правда о спиртном, так и методические рекомендации, как лучше проводить уроки трезвости. А ему мы благодарны за подаренную нам великолепно написанную брошюру магистрата химии Дерптского университета, а потом профессора Базельского университета Густава Александровича Бунге «Об употреблении алкоголя», изданную в Санкт-Петербурге ещё в... 1896 году: если бы тех рекомендаций, которые дал борец за трезвость более столетия назад, продолжали придерживаться властьпредержащие европейских стран (в конце XIX века в Англии, как указывает Бунге, насчитывалось пять миллионов трезвенников, в США – десять миллионов, в Финляндии два миллиона человек дали обет трезвости), то вопрос был бы давно решён. Увы, и сегодня алкоголь на столы наших сограждан продолжают продвигать транснациональные компании, значит, и противостоять им должны трезвенники всех стран. А опыт Эрика – подводить школьников к идее трезвой жизни через философское осмысление мира – наши соратники обязательно станут использовать в своей работе.

Владимир ВАРДУГИН

На снимке: Эрик Эглитис в Доме трезвости Саратова, 16 сентября 2019 года.

«Густав Александрович Бунге (Густав Пиерс Александр фон Бунге, нем. *Gustav Piets Alexander von Bunge*; 1844 – 1920) – русский физиолог, химик, профессор Базельского университета», – так представляет Википедия уроженца Дерпта, прославившего себя научными трудами по физиологии. – Учился сперва в родном городе, затем в Лейпциге и Страсбурге под руководством Карла Шмидта и Шмидеберга; в 1873 г. получил в Дерпте степень магистра химии, в 1874 г. там же д-ра химии; в 1882 г. получил в Лейпциге степень д-ра медицины. В 1874 году сделался доцентом физиологии в Дерпте; с 1885 г. – профессор на кафедре физиологической химии в Базеле. Стал известен своими работами по исследованию состава крови у разных видов животных, о составе молока у разных животных, в связи с исследованием состава тканей новорождённых, о значении поваренной соли в пище, о действии алкоголя». – «Известна громадная роль Г. Бунге в области борьбы с алкоголизмом, – утверждает Большая Медицинская энциклопедия, – благодаря его научным исследованиям о действии алкоголя и публичным выступлениям за полное воздержание от алкоголя (с 1885 г.)».

В 1896 году в Санкт-Петербурге издана его публичная лекция «Об употреблении алкоголя», прочитанная им в ноябре 1895 года в Базельском университете. Поражает, насколько современен его взгляд на проблему: прошло более века, а выводы, сделанные учёным, нисколько не устарели, его труд и сегодня может служить руководством к действию, как отрезвить Россию.

«Пример уважаемых людей может сделать в тысячу раз больше, чем все рассуждения и проповеди»

Спрашивается теперь, что же предпринять против этого невыразимого зла?

Размышляя над этим вопросом, мы сразу же наталкиваемся на противоречие, которое вообще является самым существенным противоречием в мировоззрениях людей: одни верят только в прогресс умственный и поэтому отворачиваются от всяких принудительных мер: принуждение не сделает человека умнее, а нравственное люди вообще не делают, мотивы в среднем вечны остаются одни и те же, следовательно, – к чему насилье? Не стесняйтесь борьбы за существование: дураки погибнут, а умники выйдут победителями; это единственно-возможный, единственно мыслимый прогресс.

Со сторонниками этого направления я не стану спорить. Это завело бы меня слишком далеко. Я стою на стороне тех, которые непоколебимо верят в нравственный прогресс. Вся история человечества подкрепляет эту веру и – я не знаю, стоило ли бы ещё жить, если бы мы не имели её? Но кто имеет эту веру, тот согласится также, что нравственное воспитание народа, как и индивида, невозможно без принуждения. Здесь должно вмешаться государ-

ство. Раз государство вправе наказывать преступления – даже имеет право смертной казни! – то оно вправе также и предупреждать преступления.

Конечно, я знаю, что против этого восстанет весь либеральный доктринаризм. «Это было бы опекой!» Но относительно другого наркотического средства – морфия – каждый признаёт за государством право опеки. Свободная продажа морфия запрещена во всех государствах. Здесь ведь государственная власть фактически защищает каждого человека от его собственной слабости. И в высшей степени знаменательно, что из года в год сотни врачей впадают в морфинизм, ибо они одни только легко могут добыть себе морфий; они одни лишены благодетельной опеки государства. Тут вы видите, что умственное развитие не спасает человека: никто так ясно не видит гибельности морфия, как врач, но и он нуждается в государственной опеке для защиты от собственной слабости.

Ростовщичество также воспрещается законом. А разве это не опека, не ограничение свободы? Но разве ростовщик не лучше в тысячу раз производителем и продавцом алкоголя? Первый отнимает у своего ближнего только деньги, а

второй, сверх денег, – здоровье, разум, честь и совесть!

Азартные игры запрещены во всех цивилизованных государствах. А ведь опасность, которой они могут подвергнуть общество, бесконечно мала в сравнении с последствиями пьянства. Что бы вы сказали, если бы кто-нибудь стал рассуждать таким образом: мне азартная игра доставляет удовольствие; это для меня самый приятный отдых после труда; она развлекает меня, освежает мой ум. Опасности для меня в ней нет никакой, я умею владеть собою; я никогда не допущу, чтобы это развлечение стало у меня страстью. Поэтому я желаю, чтобы на всех улицах существовали притоны для азартных игр, куда бы я мог зайти и доставить себе удовольствие, когда и сколько мне угодно. А если иные так бесхарактерны, что, благодаря азартным играм, ввергают в несчастия свои семьи, – то меня это нисколько не коснётся!

Сознайтесь же, что такое именно отношение большинства людей к вопросу об употреблении алкоголя. Ничто с такой ясностью не обнаруживает чужеродности людей, как именно внимательное наблюдение за их отношением к этому вопросу. Как

назвали бы вы того человека, который бы сказал: «пусть из года в год гибнут миллионы моих ближних в больницах и тюрьмах, пусть миллионы семейств впадают в нищету, доходят до отчаяния и самоубийства, лишь бы у меня каждый вечер было пиво», или: «лишь бы я мог пользоваться дивидендами с акций пивоваренных заводов!»

Обычные отговорки, что человек не подаёт примера неумеренности, что он пьёт в меру, – такие отговорки я отвергаю. Самообладание никого не может избавить от обязанности силой собственного примера действовать на тех, которые в состоянии спасения только посредством полного воздержания.

Не надо забывать, что **желание быть умеренным ещё никогда не спасало человека пьющего**. Когда это спасение удаётся, оно удаётся только посредством убеждения, что необходимо избегать первого стакана. Пьянство в целом народе можно уничтожить только тем же путём, как и у отдельного человека.

Во-вторых, не надо забывать, как много можно достигнуть примером. Огромное большинство людей вообще не спрашивает о мотивах, об основаниях. Они не спрашивают:

«почему это надо делать?» – а только: «как это делается?» Поэтому пример уважаемых людей может сделать в тысячу раз больше, чем все рассуждения и проповеди.

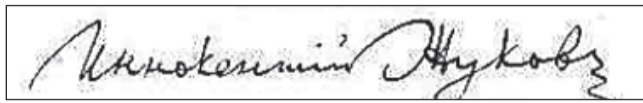
Те, которые считают себя призванными воспитывать народ, должны начать с самих себя. Обязанность образованного, состоятельного, господствующего класса прежде всего состоит в том, чтобы действовать собственным примером. Лишь этим способом можно приобрести право действовать против пьянства в народных массах законодательным путём. Но пока люди жалеют только о бедняках отнять водку, а сами не хотят отказаться от вина, то никто не поверит бескорыстности их стремлений. Есть лишь один пробный камень, одно мерило чистоты побуждений: жертвы, которые люди сами приносят.

Густав БУНГЕ
(Из общедоступной лекции 1895 года «Об употреблении алкоголя»)

Иннокентий Николаевич Жуков (1875 – 1948) всю жизнь на хлеб свой насущный зарабатывал уроками географии в школах. А в историю культуры и педагогики вошёл как новатор: оживил скульптуры, лица его глиняных фигур смеялись и плакали, грустили и сердились, преодолевая вековечное спокойствие каменного безмолвия, и уж совсем крамольными считали товарищи по творческому цеху глаза творений Жукова – они были зрячими, ваятель снабжал их зрачками, что до сих пор не принято в этом виде изобразительного искусства («как же я буду делать глаза мёртвыми, когда я сам живой, и скульптура моя живая?» – недоумевал скульптор-самоучка в ответ на критику профессионалов). Правда, его опыты одобрил сам Огюст Роден («это талант исключительный и глубокий, как их Достоевский», – заметил француз, коему репродукции работ своего русского ученика показал Антуан Бурдель, на выучку к которому ездил уроженец Читы в 1912 году).

«Не солнце, не звёзды, не горы, не море, не звёздное небо, не красная заря, не звери, не птицы, не лица людей и не тело, – самое прекрасное, что есть на земле и искусстве – это Душа человека».

«ВЕЧНЫЙ МАЛЬЧИШКА» ИЗ ТОВАРИЩЕСКОГО ПЕРЕУЛКА

Видимо, в Париже познакомился Иннокентий Николаевич с пионерингом Сетона-Томпсона и, возвратившись в Петербург, стал не только одним из первопроходцев нового метода воспитания подрастающего поколения, но и теоретиком-идеологом скаутского движения. В 1914 году он творчески переработал книгу Роберта Баден-Пауэрлла «Юный разведчик. Руководство по скаутизму», приспособив новую форму массового самовоспитания подростков к российским особенностям. Непонятное слово «скаут» он предложил заменить русским словосочетанием «юный разведчик» (имелось в виду не военное значение слова «разведчик», а разведчик природы, «пионер культуры»). Когда же не все его соратники по общественной организации согласились на замену, он в своём докладе «Литература по вопросам скаутизма» на Первом съезде по скаутизму в декабре 1915 года сказал: «Остаётся придерживаться двойной терминологии 'бой-скаут' и 'юный разведчик'». Именно Иннокентий Жуков сумел сформулировать цели и задачи организации, законы и обычаи скаутов, которые были приняты I и II съездами русских скаутов в 1915 и 1917 годах.

Жукова, Ирина Иннокентьевна Жукова-Плотникова. Иннокентий Николаевич растил патриотов России, используя стремление детей к риску, к поиску приключений. Вот как он объяснял эту тягу ребят к испытаниям в статье «Новые основы социального воспитания» (Петроград, 1923): «Базируясь на атавистических инстинктах охотничье-пастушеского периода в жизни человечества (интерес к постройке шалашей, к бродячей жизни по лесам и полям, интерес к диким животным и охоте – что соответствует 11-12 лет), система скаутинга создала для удовлетворения этих инстинктов и интересов чарующую детей жизнь в скаутских лагерях и продуманную систему экскурсий и кратковременных игр для упражнения чувств, а также «беседы у костра».

Для подростков 13-15 лет «система скаутинга облеклась в форму длительной чарующей игры «в рыцарей», разведывающих на

своих делянках картофеля!»

Ещё в 1918 году Жуков в Чите готовил путешествие скаутов (а их насчитывалось свыше шести сотен) через Забайкальскую область. Собрав около тысячи ребят от 10 до 14 лет, он объявил о создании «экспедиционного корпуса». Перед стартом тренировались, совершая кратковременные вылазки на природу, и притягательность затеи была такова, что хулиганы моментально исправлялись, а курильщики бросали курить, лишь бы их взяли с собой. У экспедиционного корпуса было своё знамя – на синем поле семь золотых звёзд созвездия Большой Медведицы. Дети делились на различные специальности: отряды разведчиков, инженеров, ботаников, геологов, зоологов, отряды сапожников, музыкантов, санитаров и даже отряд прачек. Каждый отряд имел свой знак, его вышивали на рукаве. «Дядя Кеша» – так называли дети И.Н. Жукова –

– дети сами готовили пищу на кострах, удили рыбу, стирали одежду, при этом выкраивали время на исследовательскую работу: осенью в Чите устроили выставку экспонатов, добытых в двух с половиной месячном походе, прочитали доклады о своих научных открытиях.

Поход проходил без Жукова, он уехал в Москву, чтобы там попытаться внедрить скаутинг в масштабах всей России. И ему многое удалось сделать, пока в 1923 году в СССР не объявили скаутов вне закона. Иннокентий Николаевич встал у истоков пионерского движения, стремясь сохранить скаутинг в новом обличье. Он спорил с Надеждой Константиновной Крупской (она величала его «вечным мальчишкой»), допускавшей лишь элементы скаутинга в пионерских дружинах, Жуков же ратовал за полное применение системы юных разведчиков. В 1922 году он создал в Баумановском районе Москвы пионерский отряд на базе двух юк-

Увы, в пионерском движении Жуков оставался недолго, ему не по душе пришлось излишнее политизирование детской организации. «Скаутизм не может и не должен иметь целью втягивать юные души в какую-то ни было политику с её водоворотом страстей, – заявил «старший пионер республики», – политика должна быть чуждой юной, ещё не окрепшей душе школьника». Свои педагогические

отводилось по две страницы. Лучших в тех многочисленных конкурсах (был неистощим на выдумки, предлагая ребятам всё новые и новые состязания) награждал сладкими призами и глиняными фигурками своей работы (известно более тысячи скульптур Жукова, выполненных в глине, гипсе и цементе). Лепил их каждую свободную минутку, с его творениями москвичи знакомились не только на выставках, но и покупая открытки с репродукциями его работ. О популярности скульптора свидетельствует забавная история, произошедшая в вагоне: его попутчик похвалил только что слепленную Жуковым фигурку: «Здорово!», но попенял: «Вы подражаете Жукову». – «Ну, это не такой уж большой недостаток, – улыбнулся художник. – Иннокентий Жуков – мой близкий друг, и всю жизнь я ходил в его штанах и в его обуви».

Расставшись с запрещёнными скаутами в жизни, продолжил общение с ними в... литературе. В 1923 году московский журнал «Барaban» опубликовал его повесть «Путешествие звена пионеров в страну чудес», действие в ней происходит в 1957 году в Африке, где отряд русских скаутов, переместившись во времени из начала 1920-х, встречается с бразильскими скаутами, изучающими чёрный континент. Будущее рисовалось Жукову прекрасным, скауты 1957 года во всё выигрывали у пришельцев из прошлого: были сильнее, выносливее, развиты интеллектуально, даже у их собаки не было... блох: высокая культура воцарилась в мире, люди летали на радиолётах (примечательно: именно в 1957 году наша страна запустила первый спутник).

Свои мечтания Иннокентий Николаевич завещал детям. Готовясь отойти в лучший мир, он дал наказ дочерям: «Живите дружно и помните о том, что вас соединяет в жизни, и забывайте то, что вас разъединяет, в этом счастье и счастье общее в семье, в которой вы живёте. Семья пусть будет крепкой ячейкой Родины великой нашей. Любовь в семье – цемент, а злора – ржавчина на сердце...» Назидание звучит и с надгробной плиты могилы Жукова на Введенском кладбище: «Любите Родину, боритесь за неё и будьте первыми в труде. Иннокентий Жуков».

Владимир ИВАНЧУК
На снимках: Иннокентий Николаевич Жуков; работы скульптора Жукова: «Летит!», «Кино все возрасты покорны» и «Федул губы надул»; обложка брошюры, написанной Жуковым.

всех дорогах жизни возможности помочь людям в беде. «Всемирное рыцарское братство скаутов» – вот название этой длительной воспитывающей интернациональной игры детей всего мира».

Иннокентий Николаевич оттаивал свою педагогическую находку – длительную игру, закаляющую характер ребёнка и способствующую его интеллектуальному росту. Жить ему довелось в смену вех, и он трансформировал свой метод воспитания согласно обстоятельствам. Ну какой скаутинг может быть в годы гражданской войны в Чите, когда буржуазное правительством белочехов сменяется сначала демократической, а потом и советской Дальневосточной республикой, когда детям просто-напросто нечего есть? А он весной 1922 года устраивает республиканский скаутский «Конкурс картошки», в борьбе за первенство (призы – футбольные мячи и библиотеки) включаются 500 отрядов республики, выращиваю-

предложил ученикам программы испытаний. Испытание заключалось в том чтобы самостоятельно найти сведения «...о природе: 10 пород растений в Забайкальской области, 10 насекомых, 10 пород птиц, 10 диких животных, рыб и т.д.» Дети стали больше заниматься, читать, приставали с вопросами к родителям. Иннокентий Николаевич побудил многих изучать историю края. К сожалению, задумку не удалось осуществить: к Чите приближались отряды Семёнова, и путешествовать по воюющей стране было опасно.

Установившаяся в Чите советская власть запретила скаутинг как «буржуазный пережиток». Тогда Жуков создал отряды юнцов – юных исследователей. Его последователям – дочери и племяннице – удалось летом 1921 года провести три десятка юнцов по Забайкалью, сначала шли пешком, потом сплавлялись по рекам на лодках. В отряде было полное самообслуживание

скаутских отрядов, состоящих из учащихся опытной школы при Государственном институте физической культуры. Именно Жуков придумал новое название для участников советской детской организации – пионеры (слово «пионер» – это не «первопроходец», как стали переводить впоследствии, а французский сапёр, «солдат для земляных работ», а юный пионер – это юный сапёр, мостящий пути для будущего), девиз «Будь готов!» и ответное «Всегда готов!», пионерский галстук – треугольный лоскут алой материи, а также костёр на пионерском значке, видоизменив три лепестка скаутской лилии в языки пламени костра (эту особенность подметила исследовательница скаутского движения Т. Краснова: «Белая лилия сгорела в пламени пионерских костров»). 23 марта 1923 года Иннокентий Николаевич избрали членом Главквартиры юных пионеров, ему присвоили звание «Старшего пионера Республики».

новшества стал применять по месту жительства и на работе – продолжал вести уроки географии. Его ученикам (один из них вспоминал, что Иннокентий Николаевич «пользовался слабой человека, который относился к нам по-человечески, а не по-учительски») запомнились внедрённые им «географические бои» между классами, прообразы КВНа: у входа в школу висело объявление: «Географина, дочь Викторины, предлагает ответить на следующие вопросы: 1. Какие города вкусны по своему названию? 2. Какие реки нигде не впадают? 3. Из начальных букв каких городов можно составить слово «ласточка?»

В многоквартирном доме в Товарищеском переулке, где учитель ютился в десятиметровой комнате с женой и тремя детьми-школьниками, устраивал эстафету рисунков: первые две страницы альбома заполнял рисунками сам, а на дальнейших страницах рисовали соседские дети, на каждую квартиру